

УДК 94(6)
DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-544-551
EDN BDQSGG
Оригинальное исследование

Политическая трансформация Нубии в IV–VI вв. по данным археологии

Фартушной Н.О.^{1, 2}

¹⁾ Средняя общеобразовательная школа № 29 имени Д.Б. Мурачёва,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Некрасова, д. 38а;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: mrthinkmr@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются политические и социально-экономические преобразования в Нубии в IV–VI вв. на основе археологических данных. Проанализированы материалы культуры Х-группы (погребальные памятники Балланы и Кустула, поселения постмероитского периода), свидетельствующие о трансформации структуры власти: появлении локальных элит, новых формах политической идентичности. Отдельное внимание уделено признакам социальной мобильности, хозяйственной перестройки и культурных контактов постмероитского периода. Политический ландшафт Нубии рассматривается сквозь призму концепции «контактной зоны» как пограничного пространства взаимодействия позднеантичных цивилизаций (Византия, Аксум) и местных обществ, где в условиях взаимовлияния формируются синтезные политические структуры. Археологические данные свидетельствуют о том, что Нубия в IV–VI вв. переживала не упадок, а переходный период, явившийся предпосылкой для формирования раннесредневековых нубийских царств.

Ключевые слова: Поздняя Античность, Нубия, Х-группа, блеммии, нобады, постмероитский период, археология

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Фартушной Н.О. 2026. Политическая трансформация Нубии в IV–VI вв. по данным археологии. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 544–551. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-544-551. EDN: BDQSGG

Political Transformation of Nubia from the Fourth to the Sixth Century according to Archaeology

Nikita O. Fartushnoy^{1, 2}

¹⁾ D.B. Murachev Comprehensive Secondary School No. 29,
38a Nekrasov St., Belgorod 308023, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: mrthinkmr@gmail.com

Abstract. The article examines the political and socio-economic transformations in Nubia from the fourth to the sixth century A.D. based on archaeological data. The cultural materials of the X-group (funerary monuments of Ballana and Kustula, settlements of the post-Meroitic period) are analyzed, indicating the transformation of the power structure: the emergence of local elites, new forms of political identity. Special attention is paid to the signs of social mobility, economic restructuring and cultural contacts of the post-Meroitic period. Nubia's political landscape is viewed through the prism of the concept of the "contact zone" as a frontier space of interaction between late Antique civilizations

(Byzantium, Aksum) and local societies, where synthesized political structures were formed in conditions of mutual influence. Archaeological evidence suggests that during the period under study, Nubia was experiencing not a decline, but rather a transitional period, which was a prerequisite for the formation of the Early Medieval Nubian kingdoms.

Keywords: Late Antiquity, Nubia, X-Group, Blemmyes, Nobades, post-Meroitic period, archaeology

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Fartushnoy N.O. 2026. Political Transformation of Nubia from the Fourth to the Sixth Century according to Archaeology. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 544–551 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-544-551. EDN: BDQSGG

Введение

Регион Нубии в эпоху Поздней Античности (IV–VI вв.) представлял собой зону интенсивных политических и культурных изменений. В этот период произошло крушение древнего Мeroитского царства. Его исчезновение означало ликвидацию прежних административных структур и появление непродолжительного «вакуума власти» на обширной территории Среднего и Нижнего Нила. В этот же период Нубия окончательно превращается в пограничную область между Римской империей на севере и Аксумским царством на юго-востоке, а также арену активности новых этнических групп – нобадов и блеммиев. Такой пограничный характер определил уникальный путь развития нубийского общества в рассматриваемый период.

Источниковая база по истории Нубии IV–VI вв. ограничена фрагментарными письменными свидетельствами позднеантичных авторов (в т. ч. Олимпиодора, Прокопия Кесарийского), немногочисленными надписями на греческом языке (например, надписью царя нобадов Силко в Калабше) и данными коптских и эфиопских хроник. В связи с этим особенно важное значение приобретают материалы археологических исследований, позволившие реконструировать постмероитский период. Результаты раскопок некрополей и поселений Нижней Нубии проливают свет на социально-политическую динамику переходной эпохи. Археологические артефакты, такие как погребальный инвентарь, керамика и остатки культовых сооружений, фиксируют существенные изменения в культуре и быте нубийского населения, связанные с зарождением новых центров власти, миграциями, контактами с соседними народами и постепенной христианизацией региона.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является процесс политической трансформации нубийского общества в IV–VI вв., прежде всего изменения властных структур и форм политической организации, отражённые в археологических материалах Нижней Нубии.

Предмет исследования – конкретные археологические свидетельства (погребальные памятники культуры X-группы, остатки поселений, эпиграфические тексты) и их интерпретация в контексте политической истории региона.

Методологическую основу работы составляют принципы историзма и комплексный подход к источникам. Использован историко-описательный метод при реконструкции хронологии событий (например, датировка падения Мероэ и формирования царства Нобадии), сравнительно-исторический метод – для сопоставления нубийского материала с ситуацией в сопредельных регионах. Важным теоретическим инструментом стала концепция «контактной зоны», разработанная в трудах В.Д. Королюка [Королюк, 1972], а затем В.А. Арутюновой-Фиданян [Арутюнова-Фиданян, 2022] на византийском материале. Эта концепция рассматривает пограничные регионы между цивилизациями как особое пространство взаимодействия, где возникают новые культурно-политические формы. Применение данного подхода позволяет осмыслить нубийское общество постмероитского периода не изолированно, а во взаимосвязи с влияниями Рима/Византии и других соседей. Археологические данные интерпретируются с учётом этой теории, что даёт возможность выявить механизмы интеграции и адаптации внешних влияний в местную нубийскую среду.

Археологическая информация привлечена из опубликованных отчётов и исследований ведущих специалистов по нубийской археологии. Основополагающим стало синтетическое обобщение Д. Эдвардса [Edwards, 2004], а также материалы раскопок памятников Х-группы, прежде всего могильников Балланы и Кустула, проведенных под руководством Б. Уильямса [Williams, 1991]. Используются результаты новейших исследований Восточной пустыни [Barnard, 2008], проясняющие роль кочевых племён блеммиев в обозначенном регионе.

Результаты и их обсуждение

Падение царства Мероэ в середине IV в. стало поворотным моментом нубийской истории. Именно этим периодом датируются последние мероитские цари, чьи имена известны – Иесебокеамани [FHN III, 276, р. 1049–1050] и Аманипиладе [FHN III, 290, р. 1070]. Хотя точные обстоятельства крушения остаются не до конца ясными, существует ряд свидетельств о внешних и внутренних факторах этого процесса [Torok, 1988, р. 33–45]. В надписи аксумского царя Эзаны сообщается о походах аксумитов против народа ноба и государства Касу (т. е. Мероэ) [История Африки..., 1990, с. 174–179]. В тексте Эзаны говорится о разгроме групп ноба и захвате ряда городов мероитского царства, что, вероятно, и привело к падению Мероэ [Munro-Hay, 1991, р. 10]. Это свидетельство так или иначе позволяет интерпретацию завоевания Мероэ аксумитами. Однако современные исследования дают основание полагать, что разгром не был молниеносным. Археологические находки подтверждают идею о длительном затухании мероитской цивилизации. Так, в кургане Кустул 14, датируемом около 370–380 гг., обнаружены римская монета императора Валента (364–378 гг.) и мероитские ювелирные изделия [Williams, 1991, р. 44]. Это свидетельствует, что даже спустя несколько десятилетий после прекращения царской власти мероитская знать продолжала существовать и, вероятно, взаимодействовать с новыми силами в регионе. В то же время некоторые исследователи предполагают полный континуитет между Мероэ и самым южным из христианских царств Нубии Алва [Берзина, 1992, с. 17–50].

Тем не менее на территориях Нижней Нубии (от первого до второго порога Нила), где ранее сферы влияния Мероэ и Рима соприкасались, становится заметен образованный вакуум власти. Отсутствие единого централизованного контроля привело к тому, что периферийные группы и соседи Мероэ вынужденно вступили в борьбу за доминирование.

В историографии период IV–VI вв. в Нубии часто именуется постмероитским [Torok, 2009, р. 515], в который, по сути, начинают формироваться новые политические реалии на обломках старого государства. Двумя главными силами этого времени становятся племена нобадов и блеммиев.

Нобады, будучи кочевыми или полукочевыми группами, мигрировали в Нильскую долину, вероятно, с территорий Западного Судана в III в. [Torok, 1988, р. 10]. Окончательное заселение нобадами Додекасхойна происходит около 297 г., когда Диоклетиан, реформируя оборону южных рубежей Египта, фактически оставил данную область с целью создания буферной зоны между римским Египтом и пустынными налётчиками (Proc. Bell. Pers. I.19, 27–37).

Примерно в это же время на территориях Восточной пустыни активизируются блеммии – кочевники, которых античные авторы локализовали между Нилом и Красным морем. Такое наименование встречается и в более ранних античных источниках, однако именно в III–IV вв. в условиях ослабления мероитской власти их давление на границы многократно усиливается через регулярные набеги на территории римского Египта.

Около V в. блеммии смогли установить контроль над областями Нижней Нубии. Согласно свидетельству Олимпиодора, они имели своих царей и овладели городами Талмис, Примис, Финикон, Хирис и Фапис, а также изумрудными месторождениями в Восточной пустыне (Olymp. Fr. 37–40). В более поздних грекоязычных документах, описывающих блеммиев, употребляется официальная титулатура, их лидеры именуются греческими терминами βασιλεύς и βασιλίσκος, что свидетельствует о влиянии римско-византийской политической культуры, а также о зарождении у блеммиев сложной иерархии власти [Hagg, 1990, р. 156–158].

Таким образом, к середине IV в. сложилась ситуация, когда на большей части Нубии отсутствовал единый сильный центр: Мeroитское государство перестало существовать, римская администрация отказалась от контроля над территориями, а новые этноплеменные образования еще не обрели полной государственности. При этом сформировавшийся вакуум не означал анархии. В течение IV–V вв. ногады и блеммии постепенно заполняют освободившееся пространство и вырабатывают новые модели взаимодействия или противостояния в новых условиях.

Археологическим эквивалентом постмероитского периода в Нижней Нубии является культура так называемой Х-группы. Этот термин был введен Джорджем Рейснером и затем взят в оборот исследователями для обозначения комплекса памятников IV–VI вв. [Kirwan, 1982]. Основными памятниками Х-группы являются могильники и поселения в районе 2–3 порогов Нила, исследованные в ходе раскопок, связанных со строительством Асуанской плотины в середине XX в. Обобщенный облик этой культуры был впервые описан по раскопкам Уолтера Эмери [Emery, 1938], а впоследствии существенно дополнен благодаря работам экспедиции Чикагского университета и Б. Г. Уильямса [Williams, 1991].

Одним из показателей резкого перехода от мероитской традиции к новым формам является погребальный обряд Х-группы. Если для мероитского времени характерны кирпичные пирамиды или мастабы (гробницы формы усеченной пирамиды) [Edwards, 2004, p. 133], то в дальнейшем, к IV веку, строительство пирамид прекращается, а доминирующей формой надмогильного сооружения становятся курганы-тулумусы различных размеров и конструкций [Williams, 1991, p. 175]. Вместе с этим исчезают и надписанные погребальные стелы, что связывается с общим снижением уровня грамотности [Edwards, 2004, p. 205].

Изменяется и положение тела умершего. Наряду с вытянутыми погребениями фиксируются захоронения в скорченной позе на боку, а ориентация погребений становится вариативной. Особенно выражено это разнообразие в могильниках Восточной Серры (Серра Матто), где традиции расходятся даже в пределах одного некрополя [Williams, 1994, p. 67–73], что может указывать на отсутствие единого нормативного канона и, вероятно, на политическую и социальную фрагментацию раннего этапа Х-группы.

Наиболее выразительными свидетельствами социальной стратификации Х-группы являются так называемые «царские» захоронения Балланы и Кустула. В ходе раскопок У.Б. Эмери было выявлено около 200 курганов, часть из которых отличались исключительными размерами и богатством инвентаря, что позволило интерпретировать их как гробницы правителей. Их диаметр мог достигать 60–80 м, а высота доходила до 10–12 м [Emery, 1948]. Инвентарь погребений включает регалии власти, оружие, богатое снаряжение, посуду и сотни керамических сосудов. Одним из ярких примеров может служить захоронение 118, которое состояло из трех помещений, возведенных под курганом диаметром 54 м и высотой 8 м. Особый интерес представляет серебряная корона, найденная у западной стены погребальной камеры [Emery, 1948, p. 70]. Подобная концентрация престижных предметов отражает формирование нового правящего слоя, контролировавшего ключевые ресурсы региона.

Особое значение имеют практики жертвоприношений, зафиксированные в курганах Балланы: это жертвоприношения как рогатого скота, так и людей [Lenoble, 1996]. Большинство людей, принесенных в жертву в гробницах, вероятно, были специально отобраны. Они могли быть родственниками или членами семьи захороненных либо принадлежать к той категории людей, которые считались подходящими для сопровождения умерших [Dann, 2007, p. 198]. Здесь следует вспомнить о сообщениях Прокопия Кесарийского о том, что блеммии «имеют обыкновение приносить в жертву солнцу и людям» (Proc. Bell. Pers. I, 19.36). Однако идентификация групп из Кустула и Балланы как блеммиев в большинстве своем не рассматривается. Сам факт появления в захоронениях подобных элементов подчеркивается исследователями как разрушение социальной нормы через насилие в ритуальном контексте, что обеспечило окончательное признание значительных социальных и политических изменений людьми, участвовавшими в совершении погребальных обрядов или ставших свидетелями их совершения [Dann, 2007, p. 199].

Материальная культура отражает не только локальные традиции, но и их сочетание с интенсивными межрегиональными контактами. Производство классической мероитской керамики прекращается, резко возрастает доля импортной посуды, особенно винных амфор [Edwards, 2004, p. 209]. Одновременно с этим появляется специфическая керамика – грубые гончарные горшки, тонкостенные кружки и миски с приглаженной поверхностью, часто украшенные резными или вдавленными узорами. Данный тип получил название «изделия Восточной пустыни», которые связываются с кочевыми скотоводческими группами Восточной пустыни, прежде всего с блеммией (однако последние исследования отрицают полное отождествление) [Barnard, 2008, p. 4].

Таким образом, археологическая культура Х-группы предоставляет богатый материал, фиксирующий социальную дифференциацию, изменение ритуалов и быта, происходившие в Нубии после падения Мероэ. Появление роскошных курганов с сочетанием местных и заимствованных черт указывает на формирование новой знати и новых моделей власти. Одновременно с этим разнообразие рядовых погребений демонстрирует конкуренцию разных культурных традиций, что соответствует политической фрагментации периода.

После распада Мероитского государства изменения претерпела и социально-экономическая структура Нубии. Происходит сдвиг хозяйственных приоритетов: вместо обширной экономики Мероэ, основанной на земледелии, ремёслах и международной торговле [Башиер, 2014], возникают локальные хозяйственные системы, более приспособленные к полуоседлому образу жизни и мобильности. Нижняя Нубия, прежде являвшаяся периферийной для Мероэ, становится ядром поселения нобадов. Здесь осваиваются земли, которые долгие годы оставались малонаселенными. Важным новшеством Х-группы становится технология ирригации. Предполагается, что примерно в V в. в Нижней Нубии получает распространение водяное колесо для орошения полей – сакия [Adams, 1977, p. 51].

Так, например, плато Батн эль-Хаджар (между 2 и 3 порогами) практически пустовало, вероятно, из-за трудностей с ирригацией на скалистых берегах [Adams, 1977, p. 25–28]. В V–VI вв. появляются поселения на ранее неосвоенных участках [Adams, 1977, p. 16], что совпадает по времени с распространением упомянутых ранее сакиев. Использование тягловой силы животных для подъёма воды [Adams, 1977, p. 56] позволило увеличить пахотные площади, таким образом приведя к расширению земледельческой экономики на север, что, вероятно, укрепило продовольственную базу Нобадского царства.

В то же время кочевой уклад не исчезает – он остается доминирующим для блеммиев. Они продолжали традиционное скотоводство (преимущественно мелкий рогатый скот и верблюды, также использовавшиеся при налётах [Dahl, Hjort-af-Ornas, 2006, p. 477]), кочуя между оазисами Восточной пустыни. Благодаря этому они контролировали ключевые ресурсы пустыни: помимо упоминавшихся Олимпиодором изумрудных копей [Harrell, 2006], это, прежде всего, золотые россыпи в Вади Аллаки [Roy, 2011, p. 49] и других районах. Золото Восточной пустыни было стратегическим товаром поздней Античности, ценным как для Аксума, так и для Византии. Блеммии, монополизировав доступ к золотым приискам, таким образом получили экономические выгоды [Cooper, 2020, p. 393].

В захоронениях нобадов, в свою очередь, крайне редки изделия из золота. Вероятно, нобадская знать не имела доступа к месторождениям, находившихся в руках блеммиев. В то же время нобады контролировали долину Нила и, судя по всему, не позволяли блеммией закрепиться западнее Нила. Таким образом, возникло разделение экологических ниш: блеммии находились в Восточной пустыне, продолжая кочевать и контролировать добычу полезных ископаемых, нобады остались в долине Нила и перешли к полуоседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству. Такая ситуация «двоевластия» в регионе продлилась около двух веков.

Процессы, происходившие в Нубии IV–VI вв., можно интерпретировать с теоретической точки зрения как феномен контактной зоны между цивилизациями. Под «контактной зоной» историки подразумевают пограничное пространство, где разные культурно-политические миры не просто сталкиваются, но и активно взаимодействуют, рождая синтезные формы социального

устройства. Этот концепт, разработанный, в частности, В.А. Арутюновой-Фиданян на материале армяно-византийского пограничья [Арутюнова-Фиданян, 2022], подчеркивает, что на стыке империи и условно «варварского» окружения могут возникать новые общества, которые впитывают в себя элементы обоих миров и превращающие их в качественно иные структуры.

Нубия поздней Античности служит ярким примером такой контактной зоны. Она находилась на рубеже трёх культурных сфер: средиземноморской греко-римской цивилизации (на севере), африканско-суданской (на юге, где продолжали отчасти сохраняться мероитские традиции) и кочевого мира Восточной пустыни. Взаимодействие с каждой из этих сфер вносило вклад в трансформацию Нубии. С севера шло влияние Римской (Византийской) империи – военное, экономическое и религиозное. Византия фактически определяла внешнеполитические условия существования нубийских племён: заключала договоры, совершала выплаты федератам, направляла миссионеров для христианизации. Также из Египта в Нубию непрерывно поступали торговые товары и культурные образцы в виде языка, письменности и титулатуры. С юга передавались традиции государственности: именно мероитское наследие позволило нубийским элитам почувствовать определенную преемственность. С востока приходили специфические предметы материальной культуры, такие как керамика Восточной пустыни.

Заключение

Археологические и исторические данные свидетельствуют, что период IV–VI вв. в Нубии был временем глубоких политических преобразований, а не сплошного упадка. Падение мероитской власти привело к тому, что прежняя система управления была разрушена, но сформировавшийся вакуум власти быстро заполнился новыми силами, такими как нобады и блеммии. В ходе постмероитского периода нубийское общество прошло через фазу политической конкуренции и фрагментации, из которой впоследствии возникли протогосударственные объединения.

Археология культуры X-группы фиксирует ключевые черты этой трансформации. Социальная стратификация усилилась: появляются богатые погребения местных правителей, свидетельствующие о формировании новой знати и военизированном образе власти. Вместе с этим наблюдается и продолжение отдельных традиций Мероэ в культовых атрибутах и элементах обрядов, что говорит о плавности смены элит. Общества нобадов и блеммиев постепенно выработали иную идентичность, о чем свидетельствует появление грекоязычных этнонимов и титулов в источниках. Еще до окончательного формирования христианских царств Нубии на её политической карте существовало два политических образования – Нобадия и племенной союз блеммиев.

В социально-экономическом плане Нубия адаптировалась к новым условиям: происходит перераспределение населения (часть мероитских групп мигрировала, другая часть слилась с нобадами), благодаря техническим новшествам были освоены новые земли для земледелия, возрастает роль скотоводства. Регион продолжал интегрироваться в экономику поздней Античности, так как сохранилась оживленная торговля с Египтом.

Рубеж V–VI вв. стал временем решающих сдвигов: принятие христианства нубийскими царствами завершило политическую консолидацию. Крещение элиты и затем населения Нобадии около 540-х гг. означало включение нубийской государственности в орбиту византийского мира, укрепление связей с Египтом и одновременно с этим окончательный разрыв с мероитским прошлым. На политической арене вместо племенных вождей появляются христианские цари, что означает новый этап централизации и развития государственной власти.

Таким образом, политическая трансформация Нубии в IV–VI вв. представляла собой сложный, многомерный процесс. Разрушение древнего царства Мероэ не привело к полному краху цивилизации, но инициировало череду адаптивных изменений, которые позволили нубийскому обществу выжить. Через конкуренцию и контакты с соседями нубийцы смогли выработать новые политические институты. Тщательное изучение археологических памятников этого периода продолжает обогащать наше понимание того, как происходят системные трансформации обществ в условиях изменений старых порядков и взаимодействия разных культурных сил.

Список литературы

- Арутюнова-Фиданян В.А. 2022. Армения и Византия (VI–XI вв.): контактные зоны в развитии цивилизаций. Москва, Квадрига, 452.
- Башиер Н.Х. 2014. Проблемы экономического развития царства Мероэ (VIII в. до н. э. – IV в. н. э.). Дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Москва, РУДН, 236.
- Берзина С.Я. 1992. Мероэ и окружающий мир. I–VIII вв. н. э. Москва, Наука, 349.
- История Африки в древних и средневековых источниках. 1990. Москва, Наука, 471.
- Королук В.Д. 1972. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья. В: *Юго-Восточная Европа в средние века*. Часть I. Кишинев, Кишинев. ун-т: 31–46.
- Adams W.Y. 1977. Nubia: Corridor to Africa. London, Allen Lane, 797.
- Barnard H. 2008. Eastern Desert Ware. Traces of the Inhabitants of the Eastern Deserts in Egypt and Sudan during the 4th–6th Centuries C.E. Oxford, Archaeopress, 246.
- Cooper J. 2020. A Nomadic State? The ‘Blemmyean-Beja’ Polity of the Ancient Eastern Desert. In: *The Journal of African History*. 61(3): 383–407.
- Dahl G. Hjort-af-Ornas A. 2006. Precolonial Beja: A Periphery at the Crossroads. *Nordic Journal of African Studies*. No. 15(4): 473–498.
- Dann R. J. 2007. Changing Patterns of Violence at Qustul and Ballana in the Post-Meroitic Period. Part One: The Humans. In: *Der Antike Sudan: Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin*. Vol. 18: 189–200.
- Edwards D.N. 2004. The Nubian Past: An Archaeology of the Sudan. London; New York, Routledge, 304.
- Emery W.B. 1938. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo, Government Press, 407.
- Emery W.B. 1948. Nubian Treasure. An Account of the Discoveries at Ballana and Qustul. London, Methuen, 72.
- Fontes Historiae Nubiorum. 1998. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century B.C. and the Sixth Century A.D. Vol. III. Bergen, University of Bergen: 751–1216.
- Hägg T. 1990. Titles and Honorific Epithets in Nubian Greek Texts. In: *Symbolae Osloenses*, 65: 147–177.
- Harrell J.A. 2006. Archaeological Geology of Wadi Sikait. In: *PalArch's Journal of Egypt/Egyptology*. Vol. 4: 11.
- Kirwan L.P. 1982. The X-Group Problem. In: *Meroitic Studies*. No. 6: 191–204.
- Lenoble P. 1996. Les "sacrifices humaines" de Meroe, Qustul et Ballana, I. Le massacre de nombreux prisonniers. In: *Beiträge zur Sudanforschung*. 6: 59–87.
- Munro-Hay S. 1991. Aksum: An African Civilisation of Late Antiquity. Edinburgh, Edinburgh University Press, 256.
- Török L. 1988. Late Antique Nubia: History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. Budapest, 279.
- Török L. 2009. Between Two Worlds: The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 B.C. – A.D. 500. Leiden, Brill, 628.
- Williams B. 1991. Nubadian X-Group Remains from Royal Complexes in Cemeteries Q and 219 and from Private Cemeteries Q, R, V, W, J, and M at Qustul and Ballana. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 409.
- Williams B. 1994. Excavations at Serra East: Parts 1–5, A-Group, C-Group, Pan Grave, New Kingdom, and X-Group Remains from Cemeteries A-G and Rock Shelters. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 236.

References

- Arutiunova-Fidanian V.A. 2022. Armeniia i Vizantiia (VI–XI vv.): kontaktnye zony v razvitii tsivilizatsii [Armenia and Byzantium (VI–XI Centuries): Contact Zones in the Development of Civilizations]. Moscow, Kvadriga, 452.
- Bashier N.Kh. 2014. Problemy ekonomicheskogo razvitiia tsarstva Meroe (VIII v. do n. e. – IV v. n. e.) [Problems of Economic Development of the Kingdom of Meroe (VIII century B.C. – IV century A.D.)]. Diss. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. Moscow, RUDN, 236.
- Berzina S.Ya. 1992. Meroe i okruzhaiushchii mir. I–VIII vv. n. e. [Meroe and the Surrounding World. I–VIII centuries A.D.]. Moscow, Nauka, 349.
- Istoriia Afriki v drevnikh i srednevekovykh istochnikakh [The History of Africa in Ancient and Medieval Sources]. 1990. Moscow, Nauka, 471.

- Koroliuk V.D. 1972. O tak nazyvaemoi «kontaktnoi» zone v Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope perioda rannego srednevekov'ia [About the So-Called "Contact" Zone in Southeastern and Central Europe during the Early Middle Ages]. In: Iugo-Vostochnaia Evropa v srednie veka [Southeastern Europe in the Middle Ages]. Chast' I. Kishinev, Kishinev un-t: 31–46.
- Adams W.Y. 1977. Nubia: Corridor to Africa. London, Allen Lane, 797.
- Barnard H. 2008. Eastern Desert Ware. Traces of the Inhabitants of the Eastern Deserts in Egypt and Sudan during the 4th–6th Centuries C.E. Oxford, Archaeopress, 246.
- Cooper J. 2020. A Nomadic State? The 'Blemmyean-Beja' Polity of the Ancient Eastern Desert. In: *The Journal of African History*. 61(3): 383–407.
- Dahl G. Hjort-af-Ornas A. 2006. Precolonial Beja: A Periphery at the Crossroads. *Nordic Journal of African Studies*. No. 15(4): 473–498.
- Dann R. J. 2007. Changing Patterns of Violence at Qustul and Ballana in the Post-Meroitic Period. Part One: The Humans. In: *Der Antike Sudan: Mitteilungen der Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin*. Vol. 18: 189–200.
- Edwards D.N. 2004. The Nubian Past: An Archaeology of the Sudan. London; New York, Routledge, 304.
- Emery W.B. 1938. The Royal Tombs of Ballana and Qustul. Cairo, Government Press, 407.
- Emery W.B. 1948. Nubian Treasure. An Account of the Discoveries at Ballana and Qustul. London, Methuen, 72.
- Fontes Historiae Nubiorum. 1998. Textual Sources for the History of the Middle Nile Region between the Eighth Century B.C. and the Sixth Century A.D. Vol. III. Bergen, University of Bergen: 751–1216.
- Hägg T. 1990. Titles and Honorific Epithets in Nubian Greek Texts. In: *Symbolae Osloenses*, 65: 147–177.
- Harrell J.A. 2006. Archaeological Geology of Wadi Sikait. In: *PalArch's Journal of Egypt/Egyptology*. Vol. 4: 11.
- Kirwan L.P. 1982. The X-Group Problem. In: *Meroitic Studies*. No. 6: 191–204.
- Lenoble P. 1996. Les "sacrifices humaines" de Meroe, Qustul et Ballana, I. Le massacre de nombreux prisonniers. In: *Beiträge zur Sudanforschung*. 6: 59–87.
- Munro-Hay S. 1991. Aksum: An African Civilisation of Late Antiquity. Edinburgh, Edinburgh University Press, 256.
- Török L. 1988. Late Antique Nubia: History and Archaeology of the Southern Neighbour of Egypt in the 4th–6th c. A.D. Budapest, 279.
- Török L. 2009. Between Two Worlds: The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 B.C. – A.D. 500. Leiden, Brill, 628.
- Williams B. 1991. Noubadian X-Group Remains from Royal Complexes in Cemeteries Q and 219 and from Private Cemeteries Q, R, V, W, J, and M at Qustul and Ballana. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 409.
- Williams B. 1994. Excavations at Serra East: Parts 1–5, A-Group, C-Group, Pan Grave, New Kingdom, and X-Group Remains from Cemeteries A-G and Rock Shelters. Chicago, Oriental Institute of the University of Chicago, 236.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.12.2025

Received 23.12.2025

Поступила после рецензирования 31.03.2026

Revised 31.03.2026

Принята к публикации 03.04.2026

Accepted 03.04.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фартушной Никита Олегович, учитель, средняя общеобразовательная школа № 29 имени Д.Б. Мухоморова, г. Белгород, Россия; аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Nikita O. Fartushnoy, Teacher, D.B. Murachev Comprehensive Secondary School No. 29, Belgorod, Russia; Postgraduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0009-0005-6810-437X](https://orcid.org/0009-0005-6810-437X)